

МАЛЬТУС: РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В РОССИИ. 1861—1914 ГОДЫ

Попытки историков определить уровень жизни населения царской России далеко не всегда были успешными, особенно при исследовании условий жизни ее сельских жителей. Из-за отсутствия надежных данных о личных доходах, доходности крестьянского двора или хотя бы о тенденциях в изменении реальных заработков ученые пользуются различными суррогатами, что часто приводит к недостоверным результатам. При исследовании уровня жизни россиян использовались данные с недоимках, о потреблении предметов роскоши, непродовольственных товаров, о количестве ржи, которое могло быть куплено на заработанные деньги («ржаной эквивалент»). Часто основными считались такие показатели, как изменение размера земельного надела, поголовья скота и характера землепользования. В других работах внимание было сосредоточено на тенденциях изменения валового производства, количества зерна, остающегося в деревне, или общей урожайности зерновых. Рацион питания оценивали по количеству калорий или белков в потребляемых мясных продуктах и по разнообразию выбора выращиваемых злаков. Некоторые авторы делали упор на демографические тенденции, приходя к выводу об избыточности населения России и апеллируя к Мальтусу. Один из историков считал задачу определения уровня жизни вообще не решаемой¹. Целью настоящей статьи является критическое рассмотрение взглядов, приводимых обеими сторонами в дискуссии об уровне жизни, при этом центральное место в обсуждении займет теория народонаселения и демографические проблемы.

В первой части обзора будут рассмотрены эти показатели — «суррогаты», используемые для определения уровня жизни на селе, и показано, что большинство из них являются сами по себе недостаточными. Мы обратим особое внимание на анализ выкупных платежей, на изменения номенклатуры продуктов потребления, тенденции в оплате сельскохозяйственного труда, а также на производство зерна и его количество, остающееся в деревне. Более общей целью статьи и ее основной второй части будет обсуждение сомнительности мальтузианской модели, связывающей быстрый рост населения с экономическими и социальными бедствиями, — идеи, которая оказала значительное влияние на наше понимание процессов, происходивших в последние годы существования царской России.

Полученные нами результаты выявляют уменьшение смертности в период, непосредственно следующий за освобождением крестьян, и позволяют сделать еретический вывод о том, что реформа 1860-х гг. действительно привела к улучшению жизни сельского населения. Механизм этого уменьшения смертности пока нельзя считать выясненным. Однако имеются надежные сведения, позволяющие предположить, что улучшение питания сельских жителей и вызванное этим уменьшение количества смертей от ряда инфекционных болезней сыграли в России более важную роль, чем в остальной Европе.

Большая часть сказанного о налоговых недоимках, которые чаще всего являются тем показателем-суррогатом, который используется для определения уровня жизни на селе, нуждается в серьезной ревизии. Наиболее часто приводятся дан-

* Хок Стивен Ли, профессор истории Университета штата Айова (США).

ные о том, какую часть размера годового дохода от налогов составляют недоимки (обычно рассматривается информация, относящаяся к началу 60-х гг.). Отмечается, что в начале XX в. общая сумма недоимок (даже после учета официально разрешенных неплатежей) превышала ежегодный доход от налогов. «Другими словами, общая сумма недоимок (118 695 000 руб.) в конце концов существенно превысила сумму налогов, которую государство надеялось собрать (99 341 000 руб. в год в период 1896—1900 гг.)». Такая подача данных о налогах была политически мотивирована для тех, кто в свое время стремился к уменьшению сельскохозяйственных налогов. Целью этих авторов было показать, что недоимки составляли значительную сумму и что сопоставление недоимок с ежегодным доходом от налогов позволяло оценить их соразмерность. Несмотря на тенденциозность этого представления, в историческую литературу проник именно такой подход к интерпретации недоимок, что видно из приведенного выше высказывания Робинсона. Согласно Робинсону, недоимки являются «лучшим индикатором, описывающим экономическую ситуацию крестьян» и служат доказательством «широко распространенной и увеличивающейся нужды» в крестьянской России — взгляд, который разделяли многие историки².

В 60-х гг. XIX в. и в последующем историки сосредоточивали внимание на выкупных платежах, сопровождавших освобождение крестьян в 1861 г., поскольку эти данные охватывают наиболее длительный период и большую часть империи. По мнению самих авторов, они оставляют желать лучшего, причем сведения о выплате налогов деревнями и земствами либо отсутствуют вообще, либо совершенно ненадежны. Сведения о других прямых государственных налогах, таких, например, как подушные подати, хотя и доступны, но также вызывают проблемы при анализе. Во всяком случае они составляют гораздо меньшую долю общего налогового обложения крестьян, чем выкупные платежи. Фактически все историки считают, что бывшие крепостные не выплачивали выкупные платежи в полной мере. Симмс утверждал, что «недоимки выкупных платежей увеличивались не потому, что крестьяне не могли их заплатить, а потому что не хотели»³. Сандерс вслед за Робинсоном, Гершенкроном и др. считал иначе: «Самым убедительным свидетельством крестьянской нищеты было увеличение недоимок выкупных платежей. Крестьянские недоимки выкупных платежей определяются экономической реальностью»⁴. Взгляды Гамбурга были промежуточными: крестьяне «либо не могли, либо не хотели выплачивать выкупные платежи»⁵. Весьма вероятно, что все они ошибались. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении цифры не подтверждают ни одну из этих точек зрения.

Симмс, надеясь показать нецелесообразность использования недоимок как меры крестьянской нищеты и оспаривая широко распространенную точку зрения, утверждал следующее: «Рассмотрение имеющихся данных показывает, что «армия сборщиков налогов» (по Робинсону) не взимала у крестьянства причитающуюся с них сумму налогов, и это создавало возможность другой интерпретации увеличения недоимок. Например, существенное увеличение выкупных платежей за 1887 г. (первый год полномочий Вышнеградского) по сравнению с 1886 г. Такой же существенный рост имел место и в поступлении косвенных налогов. Предполагалось, что рост и своевременность платежей являлись результатом безжалостных и более эффективных методов взимания налогов. Однако наличие прекрасных урожаев в эти годы и явная связь между хорошими урожаями и возможностью выплат делает вышеприведенное предположение в определенной мере бесполезным»⁶.

Подтверждая свои доводы, Симмс приводит данные советского историка П. А. Хромова, который обращал внимание на существенные колебания в ежегодных выкупных расписках, например, 48, 8 млн. руб. в 1886 г. и 89 млн. руб. в 1887 г.⁷ Согласно Симмсу, «данные показывают, что доходы оставались в деревне — скрывались от сборщиков налогов — и тратились на покупку потребительских товаров»⁸. Другими словами, «крестьянство выполняло требования сборщиков

налогов только до определенной степени», которая изменялась в зависимости от размера урожая⁹.

Остается еще выявить, существовала ли «моральная экономика» в царской России, как утверждает и в других работах¹⁰. Так или иначе, утверждения Симмса можно считать просто неверными. В середине 80-х гг. бывшие крепостные должны были заплатить за помещичьи земли 850 млн. руб. Учитывая 6% за кредит и вычитая официально разрешенное уменьшение платежей, получим величину примерно в 40, 9 млн. руб., которую крестьяне должны были заплатить государству в 1887 г. Кажущийся огромный скачок платежей в 1887 г., фиксируемый Симмсом, — до 89 млн. руб. представлял собой не что иное, как результат изменения системы отчетности, поскольку в это время впервые государственные крестьяне были включены в выкупные операции. Закон, принятый 12 июля 1886 г. и начавший действовать с 1 января 1887 г., заменил оброк бывших государственных крестьян на выкупные платежи¹¹. Государственные крестьяне должны были платить выкуп за свою землю в течение последующих 44 лет.

Проще говоря, огромное увеличение платежей между 1886 и 1887 гг. не связано ни с колебаниями средней урожайности, ни с физической возможностью осуществлять платежи. Нельзя также, подобно Симмсу, делать вывод о том, что существовал резерв покупательной способности, позволявший крестьянам приобретать различные предметы, облагаемые косвенными государственными налогами, об этом — далее¹². А сумму выкупных платежей конца 80-х гг. можно действительно считать свидетельством эффективности краткосрочной политики министра финансов Вышнеградского, направленной на улучшение сбора недоимок. За трехлетний период 1887—1889 гг. бывшие крепостные уплатили в среднем 104, 5% их годового налогового обложения, выплачивая небольшие части недоимок. За предыдущие три года (1884—1886), в период министерства Н. Х. Бунге, цифра эта составила 95, 1% (см. табл. 1). Согласованные действия правительства, направленные на сбор текущих и неоплаченных выкупных платежей, могли привести к увеличению их на 10%, но на 117% за один год, как предполагал Симмс, едва ли.

Были предприняты многочисленные попытки привести в систему беспорядочные бухгалтерские отчеты о выкупных операциях государством в начале 1880-х, а начиная с 1893 г. — ежегодно, а также историком П. Кованько в 1914 г.¹³ Попытки эти приводили к схожим результатам. Несмотря на необоснованные выводы о выкупных платежах, оказалось, что за 1862—1906 гг. бывшие крепостные выплатили 94, 9% долга — 1540 из 1623 млрд. руб. (см. табл. 1)¹⁴. За период 1886—1899 гг., который занимал центральное место в дискуссии о кризисе российского сельского хозяйства и об уровне жизни крестьян, бывшие крепостные выплатили 95, 5% долга государству — 552 из 575, 4 млн. руб.¹⁵ Эти цифры следует считать более надежными, чем относящиеся к предыдущему периоду. После того, как выкупные операции были включены в государственный бюджет 1885 г., система их учета значительно улучшилась.

Размер недоимок, безусловно, возрастал. Сельское хозяйство даже в настоящее время сопряжено с определенным риском, а в течение 45 лет (1862—1906 гг.) ни один район империи не избежал неурожая. И если не предположить, что крестьяне выплачивали все причитавшиеся с них налоги, вполне логично считать, что все совокупные недоимки со временем увеличивались. Но закон о выкупе 1861 г. предусматривал создание резервного фонда для покрытия административных расходов и недоимок. В действительности для оплаты процентов и погашения долга достаточно было 92% выкупных платежей¹⁶. Расчеты Государственного банка показали, что после учета административных расходов, текущих, а также прощенных (разрешенных к неуплате) недоимок резервный фонд на 1 января 1885 г. составил 5, 2 млн. руб. По данным Кованько, резервный фонд в это время был равен 8, 8 млн. р. В 1906 г., когда выкупные операции были отменены, в резервном фонде находилось 25, 5 млн. руб.¹⁷ «Недоимки в течение всей истории выкупной операции составляли нормальное явление. Вначале они ограничивались отдельными областями, потом стали накапливаться почти повсеместно. Меры,

Таблица 1

Выкупные платежи и недоимки бывших крепостных (в тыс. руб.) *

Год	Ежегодные выкупные (оклад)	Размер выплат крестьян	Уплаченные проценты, %	Недоимки		
				ежегодные	прощенные	совокупные
1	2	3	4	5	6	7
1862	159, 2	65, 1	40, 9	94, 1	—	94, 1
1863	2611, 2	1 415, 2	54, 2	1 196, 0	—	1 290, 2
1864	7 958, 0	5543, 1	69, 7	2414, 9	—	3 705, 0
1865	14 974, 2	12535, 1	83, 7	2439, 1	—	6 144, 0
1866	21 130, 2	19414, 3	91, 9	1 715, 9	—	7 859, 9
1867	27581, 1	27 162, 3	98, 5	418, 8	—	8 278, 8
1868	34 433, 3	32421, 8	94, 2	2011, 5	—	10 290, 3
1869	35 927, 9	35316, 6	98, 3	611, 3	—	10901, 7
1870	33 648, 2	33 055, 5	98, 2	592, 7	—	11 494, 3
1871	36 474, 6	35 156, 3	96, 4	1 318, 3	—	12812, 6
1872	37 841, 2	36 869, 9	97, 4	971, 3	1, 0	13 782, 7
1873	39 154, 6	39712, 1	101, 4	(557, 5)	1, 0	13 224, 3
1874	39 790, 0	39 610, 7	99, 5	179, 3	1, 0	13 402, 5
1875	40 520, 9	39 957, 3	98, 6	563, 6	1, 0	13 964, 6
1876	41 015, 5	38 622, 9	94, 2	2 392, 6	5, 3	16351, 8
1877	41 681, 1	40 200, 3	96, 4	1 480, 8	9, 6	17 822, 9
1878	42 907, 3	43 741, 5	101, 9	(834, 2)	77, 5	16911, 3
1879	43 306, 2	43 173, 5	99, 7	132, 7	151, 5	16 892, 4
1880	43 951, 0	40301, 3	91, 7	3 649, 7	46, 6	20 495, 5
1881	44721, 1	41 122, 6	92, 0	3 598, 5	644, 9	23449, 1
1882	42 664, 3	39 508, 3	92, 6	3 156, 0	372, 9	26 233, 2
1883	43 597, 9	41 216, 9	94, 5	2381, 0	13769, 1	14844, 1
1884	36 393, 0	37 073, 0	101, 9	(680, 0)	2 273, 8	1 1 890, 3
1885	40890, 1	36 549, 2	89, 4	4 340, 9	28, 6	16 202, 6
1886	40917, 9	38 473, 9	94, 0	2 444, 0	26, 6	18619, 9
1887	40 860, 9	43 341, 5	106, 1	(2 480, 6)	32, 5	16 106, 9
1888	40 924, 8	44 038, 5	107, 6	(3 113, 7)	49, 1	12944, 1
1889	41 424, 8	41 316, 5	99, 7	108, 3	33, 1	13019, 3
1890	41 418, 0	39 860, 7	96, 2	1 557, 3	35, 1	14541, 5
1891	41 279, 2	33 530, 9	81, 2	7 748, 3	20, 9	22 268, 8
1892	41 185, 1	34416, 9	83, 6	6 768, 2	21, 1	29 015, 9
1893	41 290, 1	41 479, 2	100, 5	(189, 1)	68, 3	28 758, 5
1894	41 080, 5	39 469, 3	96, 1	1 611, 2	31, 5	30 338, 3
1895	40 975, 9	41 642, 3	101, 6	(666, 4)	—	29671, 9
1896	41 069, 3	40 262, 2	98, 0	807, 1	—	30479, 1
1897	41 052, 7	37 022, 6	90, 2	4030, 1	—	34 509, 2
1898	41 060, 3	37 360, 8	91, 0	3 699, 5	—	38 208, 7
1899	40 836, 7	39 803, 5	97, 5	1 033, 2	—	39 241, 9
1900	40 237, 5	39937, 1	99, 3	300, 4	—	39 542, 4

Год	Ежегодные выкупные (оклад)	Размер выплат крестьян	Уплаченные проценты, %	Недоимки		
				ежегодные	прощенные	совокупные
1	2	3	4	5	6	7
1901	38 683, 9	38 236, 4	98, 8	447, 5	—	39 989, 8
1902	39 180, 6	38 068, 2	97, 2	1 112, 4	—	40 710, 0
1903	38 923, 8	37 384, 0	96, 0	1 539, 8	—	42 010, 4
1904	38 768, 5	34 252, 0	88, 4	4516, 5	16 280, 2	30 086, 5
1905	38 648, 1	23 938, 4	61, 9	14 709, 7	23 303, 4	21 354, 9
1906	19991, 5	16745, 1	83, 8	3 246, 4	1 173, 6	22 674, 7
Итого...	1 623 142, 2	1 540 326, 8	94, 9	82817, 4	58 459, 7	

* Составлено по: Отчет Государственного банка по выкупной операции с открытия выкупа до 1 января 1892 года. СПб., 1893. С. 23; Общий баланс выкупной операции//Вестник финансов, промышленности и торговли. 1903. 8 июля. С. 23. Приложение; Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция 1861—1907 гг.). Киев, 1914. Приложение № 4, табл. 4 и приложение 5, табл. 1.

В скобках указаны данные для тех лет, когда крестьяне платили больше их ежегодного обложения либо за прошлые недоимки, либо в аванс. Ошибка в 0, 4 млн. руб. появляется в 1902 г. К 1906 г. ошибка возрастает до 0, 8 млн. руб. Кроме того, сумма ежегодных недоимок не равна сумме прощенных и совокупных недоимок из-за указанной выше ошибки и из-за законов, изменявших срок уплаты.

предпринимаемые правительством, считая в том числе и сложение недоимок, не прекращали дальнейшего их накопления. Однако существование крупных недоимок не подрывало выкупной операции в целом. Всей суммы крестьянских взносов хватало ежегодно с излишком на оплату обязательств правительства... Крестьяне никогда не были в силах внести полную сумму на запасной капитал, и недоимки их (в массе, а не в отдельных случаях) являлись недоимками не по операции, а по ее запасному капиталу»¹⁸.

При оценке размера недоимок следует принимать во внимание и другие факторы. Недоимки возрастали не только потому, что правительство их суммировало, но и потому, что все большее количество временнообязанных крестьян заключало соглашения с бывшими владельцами. Следует отметить, что, хотя с 28 декабря 1881 г. был введен обязательный выкуп, многие помещики не спешили с его проведением. Между 1885 и 1891 гг. было подписано соглашений о выкупных платежах на сумму в 43, 3 млн. руб. Если предположить, что эти бывшие крепостные, жившие в основном в малых поместьях, выполняли свои обязательства так же, как и другие бывшие крепостные, то увеличение на 6% недоимок можно объяснить их вкладом в выкупные платежи¹⁹. Если же неплатежи этих крестьян были более существенными из-за их бедности или отсутствия опыта в выплате долгов, тогда их вклад в рост недоимок будет еще большим.

Следует обратить внимание на то, что цифры крестьянских выкупных платежей не могут быть подтверждены из независимых источников или легко скорректированы. Но данные за последующие годы, приводимые в литературе (за исключением ошибочных оценок Симмса), в основном согласуются и не являются источником споров. Для нас существенно знать, насколько велик был размер недоимок: 119 млн. руб. недоимок по всем налогам или 83 млн. руб. недоимок по земельным выкупным платежам только бывших крепостных, включая все прощенные недоимки? — эти цифры кажутся большими учитывая, что только размер

ежегодных налогов составлял 99 млн. руб. Однако такой способ оценки можно считать странным для описания выполнения налоговых обязательств крестьянами и их экономических трудностей. Более разумным представляется сопоставление общего обложения с момента начала выкупных операций в 1862 г. с тем, что бывшие крепостные действительно уплатили. Из наилучшего (а фактически единственного) источника следует, что бывшие крепостные недоплатили только 5% своего долга — примерно столько, сколько и предполагало правительство, создавая проект закона. Хотя со временем принято было считать эти цифры огромными, нам не следует забывать того, что цифры, отражающие действительные выплаты крепостных, были намного большими (если быть точными, то в 19 раз большими), чем недоимки. Кроме того, необходимо принимать во внимание общее расширение выкупных операций.

Иначе говоря, какими бы обременительными для крестьян ни были выкупные платежи, документы свидетельствуют о том, что крестьяне были в состоянии выполнять свои обязательства и действительно их выполняли. Документы эти не содержат информации, позволяющей оценить уровень жизни крестьян. Мы можем не доверять имеющимся цифрам, но они не могут обрисовать картину жизни крестьян, которую многие пытались на их основании восстановить.

Остальные аргументы Симмса — о том, что увеличение суммы косвенных налогов является неоспоримым доказательством увеличения общего крестьянского потребления в последнее десятилетие XIX в., — не должны нас обескураживать. Возражения на его аргументы можно найти в неоклассической экономической теории, хотя сами историки такую критику обычно не принимают. Но анализ проведен Симмсом в неоклассических терминах, и, следовательно, критика погрешностей его концепции не требует обращения к большому числу «фактов». «Учитывая абсолютный рост потребления хлопка, чая, сахара, спичек, керосина, табака и т. д. — пишет Симмс, — едва ли можно считать, что уровень жизни крестьян в то время падает. Предполагая, что крестьяне действовали разумно, принимая экономические решения, можно ли утверждать, что они уменьшали потребление абсолютно необходимого — пищи — по сравнению с потреблением хлопка или спичек?» И в другом месте: «Вряд ли можно считать, что крестьянство в целом потребляло больше спичек и меньше зерна!»²⁰ А почему бы и не так? Это просто зависит от того, что было более важным для крестьян — еще одна буханка хлеба или первая коробка спичек.

Фундаментальным изъяном аргументов Симмса следует считать его неспособность оценить суть того, что представляет собой рынок. Развивающийся рынок может приводить к существенным изменениям в объектах потребления, независимо от того, возрастает ли уровень жизни, остается неизменным или падает, свидетельством чего в современной истории служит развитие стран «третьего мира». Рыночные отношения могут не влиять на экономику только в таких ситуациях, при которых крестьяне существуют на грани выживания, определяемой как точка, ниже которой жизнь невозможна, т. е. когда малейшее изменение потребления приводит к немедленному росту смертности. Сам Симмс признает, что крестьяне не были вынуждены расставаться со всеми продуктами своего производства, оставляя себе меньше необходимого для выживания в буквальном смысле слова. Он прав, утверждая, что потребность в пище является «абсолютно необходимой», но забывает, что эта потребность не определяется абсолютно жесткими критериями²¹.

Правоммерно отказываясь от данных о налогах, поголовье скота и ценах на землю, С. Уиткрофт при оценке кризиса в уровне жизни российских крестьян пользуется двумя другими измерениями²². Согласно Уиткрофту, важно исследовать «относительные уровни цен и особенно реальные уровни оплаты труда различных групп производителей, измеряемые их возможностями приобретать основные продукты питания (т. е. ржаным эквивалентом)»²³. И здесь возникают проблемы.